

В нашей новой рубрике друзья «Фомы» называют книги, о которых, кажется, почти все знают еще со школы, но которые непременно стоит перечитать.

Иван Бунин • Холодная осень

Стоит перечитать

Фото Владимира Ештокина

«Холодная осень» Ивана Бунина. Это всего пару страниц — самого сильного художественного текста из всех, что я читал. В этих трех страницах сделано то, на что иные романисты тратят тома. Вылита вся жизнь, все то труднопознаемое нами в ней, что называется временем и прошлым. И когда они встречаются, открывается, похоже, то, что называют вечностью. В холодное время года, когда всё затихает, это видишь острее. Видишь и повторяешь за героиней: «я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду».

Автор

Иван Бунин (1870–1953) — писатель и поэт, первый русский литератор, удостоенный Нобелевской премии (1933). Творчество Бунина тесно связано с традициями классической литературы XIX века.

О чем произведение

Перед нами воспоминание героини. Холодным осенним вечером 1914 года девушка провожает на войну жениха. Через месяц его убивают. Возвращаясь в прошлое, тридцать лет спустя, она понимает, что встреча с возлюбленным —

книгу рекомендует журналист, телеведущий, руководитель православного телеканала «Спас» **Борис Корчевников**

это главное событие в ее жизни. Текст можно разделить на две части. В первой описывается помолвка молодых людей и их прощание. Во второй рассказывается о трех десятилетиях непростой жизни героини, на долю которой выпало множество унижений и лишений, смерть близких и отчуждение родных людей. В третьей же части, самой краткой, героиня подводит итог прожитой жизни, в которой самым главным оказывается любовь: «Вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер».

История создания и публикация

Рассказ «Холодная осень» написан 3 мая 1944 года. Он входит в прозаический цикл «Темные аллеи». Конец 1930-х — 1940-е годы были непростыми для писателя, который находился в отрыве от России уже более 20 лет. Живя во Франции, он постоянно испытывал нужду — солидная Нобелевская премия была уже потрачена и в значительной части роздана нуждающимся писателям-эмигрантам. В годы фашистской оккупации он отказался сотрудничать с гитлеровцами и всю войну прожил в Грасе — на французской территории, которая не была под контролем немцев. Бунин писал: «Живем все хуже и хуже. Истинно на пище Святого Антония, но и эта пища становится уже до смешного дорога». Здоровье пожилого писателя ухудшалось,

он все острее чувствовал одиночество. Особенно его угнетала война: «Озверелые люди продолжают свое дьявольское дело, убийства и разрушение всего, всего!.. Нищета, одиночество, безвыходность, голод, холод, грязь — вот последние дни моей жизни. И что впереди? Сколько мне осталось? И чего?» В эти годы главной радостью писателя стала работа над сборником «Темные аллеи».

Сквозная тема «Темных аллеи»

«Холодную осень», как и всю книгу «Тёмные аллеи», пронизывает сквозная тема — любовь между мужчиной и женщиной, которая по разным причинам не может продолжаться. Самая сильная земная любовь, по Бунину, — это великое счастье, но счастье недолгое, часто — мгновенное, «как зарница: вспыхнуло — и исчезло». Чем сильнее любовь, тем скорее ей суждено оборваться. Навсегда остается только счастливый миг — в памяти героев. И именно память делает любовь — вечной. Героиня «Холодной осени» не только тридцать лет хранит в своем сердце любовь к своему жениху, но и считает, что в ее жизни только и был тот холодный осенний вечер, который она помнит во всех подробностях.

«Прошло с тех пор целых тридцать лет», — говорит героиня в конце рассказа, вспоминая пережитое. Этот срок соответствует дате написания самого произведения: Бунин пишет рассказ через 30 лет после событий 1914 года. Таким образом, автору было важно показать, чем для него самого является «непостижимое ни умом, ни сердцем прошлое». ♣.

Подготовила Ася Занегина

Интересные факты

1. В рассказе отразилось впечатление, которое произвело на Бунина известие об убийстве эрцгерцога Фердинанда и начале Первой мировой войны. В дневнике он записал:

«...мы с братом Юлием плыли вверх по Волге, 11 июля долго стояли в Самаре, съездили в город, вернулись на пароход и вдруг увидели мальчишек, летевших по дамбе к пароходу с газетными клочками:

— Экстренная телеграмма, убийство австрийского наследника Сараева в Сербии!

Юлий схватил у одного из них эту телеграмму, прочитал ее и, помолчав, сказал мне:

— Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни!»

2. Некоторые литературоведы утверждают, что у главной безымянной героини рассказа был реальный прототип — родная внучка Александра Пушкина Елена Пушкина-Розенмайер. Из Граса, на юге Франции, где жил писатель, Бунин нередко приезжал в Ниццу, где и познакомился с внучкой поэта. Судьба Елены Александровны произвели на писателя большое впечатление. Биография героини рассказа схожа с основными поворотами судьбы Елены Розенмайер: гибель жениха на войне, революция, эмиграция, бедность, жизнь за границей, отчуждение дочери, одиночество...

3. Рассказ «Холодная осень» впервые напечатан 18 мая 1945 года в парижской газете «Русские новости». ♣.

«Холодная осень»

Рассказ Ивана Бунина

В июне того года он гостил у нас в имении — всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда. Утром шестнадцатого привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, мама и я еще сидели за чайным столом, и сказал:

— Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский кронпринц. Это война!

На Петров день к нам съехалось много народу, — были именины отца, — и за обедом он был объявлен моим женихом. Но девятнадцатого июля Германия объявила России войну...

В сентябре он приехал к нам всего на сутки — проститься перед отъездом на фронт (все тогда думали, что война кончится скоро, и свадьба наша была отложена до весны). И вот настал наш прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

— Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло, рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький шелковый мешочек, — мы знали какой, — и это было трогательно и жутко. Отец спросил:

— Так ты все-таки хочешь ехать утром, а не после завтрака?

— Да, если позволите, утром, — ответил он. — Очень грустно, но я еще не совсем распорядился по дому.

Отец легонько вздохнул:

— Ну, как хочешь, душа моя. Только в этом случае нам с мамой пора спать, мы непременно хотим проводить тебя завтра...

Мама встала и перекрестила своего будущего сына, он склонился к ее руке, потом к руке отца. Оставшись одни, мы еще немного побыли в столовой, — я вздумала раскладывать пасьянс, — он молча ходил из угла в угол, потом спросил:

— Хочешь, пройдемся немного?

На душе у меня делалось все тяжелее, я безразлично отозвалась:

— Хорошо...

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот...

— Капота нет, — сказала я. — А как дальше?

— Не помню. Кажется, так:

Смотри — меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстает...

— Какой пожар?

— Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах: «Надень свою шаль и капот...» Времена наших дедушек и бабушек... Ах, боже мой, боже мой!

— Что ты?

— Ничего, милый друг. Все-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень, очень люблю тебя...

Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав. Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами. Он, приостановясь, обернулся к дому:

— Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховый платок, слегка отклонила голову,

чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо.

— Как блестят глаза, — сказал он. — Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты все-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? и неужели я все-таки забуду его в какой-то короткий срок — ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

— Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помолчав, медленно выговорил:

— Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне.

Я горько заплакала...

Утром он уехал. Мама надела ему на шею тот роковой мешочек, что зашивала вечером, — в нем был золотой образок, который носили на войне ее отец и дед, — и мы перекрестили его с каким-то порывистым отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оупении, которое всегда бывает, когда проводишь кого-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительную несовместность между нами и окружающим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром. Постояв, вошли в опустевший дом. Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть во весь голос...

Убили его — какое странное слово! — через месяц, в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым. Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговки на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?» Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папахах и расстегнутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, — то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молью, и вот тут, торгуя на углу Арбата и рынка, встре-

тила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринодар. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробиравшимся к добровольцам, чуть не две недели, — я бабой, в лаптях, он в истертом казачьем зипуне, с отпущенной черной с проседью бородой, — и пробыли на Дону и на Кубани больше двух лет. Зимой, в ураган, отплыли с несметной толпой прочих беженцев из Новороссийска в Турцию, и на пути, в море, муж мой умер в тифу. Близких у меня осталось после того на всем свете только трое: племянник мужа, его молоденькая жена и их девочка, ребенок семи месяцев. Но и племянник с женой уплыли через некоторое время в Крым, к Врангелю, оставив ребенка на моих руках. Там они и пропали без вести. А я еще долго жила в Константинополе, зарабатывая на себя и на девочку очень тяжелым черным трудом. Потом, как многие, где только не скиталась я с ней! Болгария, Сербия, Чехия, Бельгия, Париж, Ницца... Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем француженкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлэн, холеными ручками с серебряными ноготками заворачивала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками; а я жила и все еще живу в Ницце чем бог пошлет... Была я в Ницце в первый раз в девятьсот двенадцатом году — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!

Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что я не переживу ее. Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни — остальное ненужный сон. И я верю, горячо верю: где-то там он ждет меня — с той же любовью и молодостью, как в тот вечер. «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...» Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду. ♣.